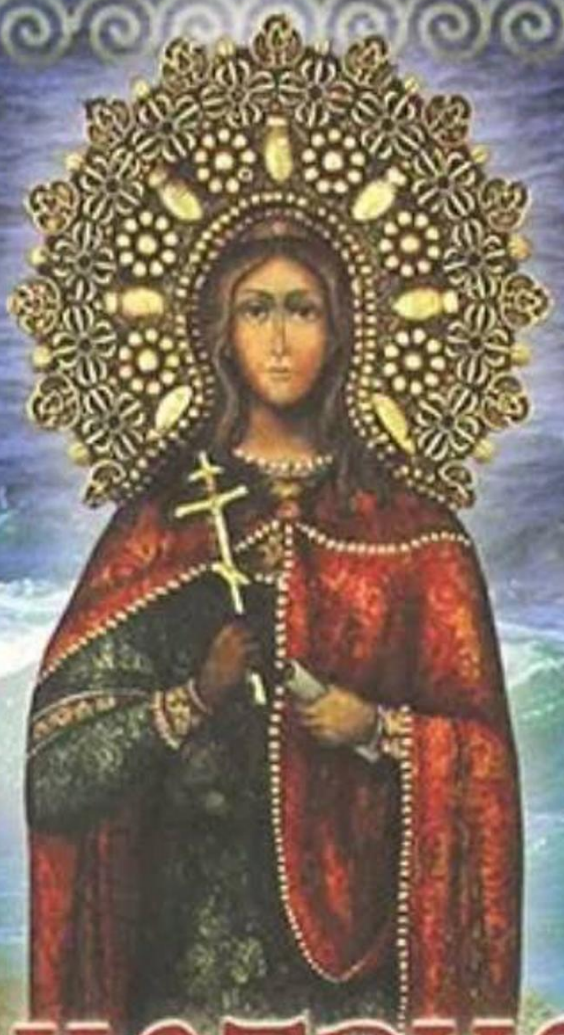
Алина СЕРГЕЙЧУК

Странствие Орфея

По мотивам жития
святой мученицы
Юлии Карфагенской

Алина Сергейчук

Странствие Орфея. Дилогия по житию мц. Иулии Карфагенской

«Автор»
2026

Сергейчук А.

Странствие Орфея. Дилогия по житию мц. Иулии Карфагенской / А. Сергейчук — «Автор», 2026

«Странствие Орфея» приковывает внимание читателя с первой же страницы – и до последней точки эпилога.Объясняется это несколькими причинами.Во-первых, сама тема...Раннехристианская эпоха с ее осуществленным идеалом христианской любви и беспримерного героизма мучеников за веру искони была благодатной тканью для воспроизведения писателями с искрой Божией в душе.Во-вторых, творческий талант автора - Алины Сергейчук с присущей писательнице глубиной скрытых психологических характеристик, экспрессией словесных образов, глубоким проникновением в исторические реалии и... пламенной любовью к святой мученице Иулии Карфагенской.Подкупает и то, что Алина пишет о Христианстве не глазами «стороннего наблюдателя», но как человек, чувствующий свет и тепло Матери Церкви, мыслит и говорит как ее «чадо», напоенное словесным молоком Евангелия Христова.Протоиерей Артемий Владимиров, духовник Алексеевского монастыря г. Москвы, педагог, член Союза писателей России.

© Сергейчук А., 2026
© Автор, 2026

Странствие Орфея. Дилогия по житию мц. Иулии Карфагенской

«Странствие Орфея» – произведение молодого автора Алины Сергейчук приковывает внимание читателя с первой же страницы – и до последней точки эпилога.

Объясняется это несколькими причинами.

Во-первых, сама тема…

Раннехристианская эпоха с ее осуществленным идеалом христианской любви и беспримерного героизма мучеников за веру искони была благодатной тканью для воспроизведения писателями с искрой Божией в душе.

Во-вторых, творческий талант Алины с присущей писательнице глубиной скрытых психологических характеристик, экспрессией словесных образов, глубоким проникновением в исторические реалии и… пламенной любовью к святой мученице Иулии Карфагенской.

В-третьих, появление повести в наше время – время распадения формы и содержания, время совершенно размытых представлений о добре и зле, время поголовной развращенности молодежи – очень важно для читающей публики.

С моей точки зрения, этот замечательный сюжет мог бы быть экранизирован или послужить основой для театральной постановки как чрезвычайно удачный и с художественной точки зрения, и с воспитательной.

Подкупает и то, что Алина пишет о Христианстве не глазами «стороннего наблюдателя», но как человек, чувствующий свет и тепло Матери Церкви, мыслит и говорит как ее «чадо», напоенное словесным молоком Евангелия Христова.

Протоиерей Артемий Владимиров, духовник Алексеевского монастыря г. Москвы, педагог, член Союза писателей России.

1. **Иулия. Историческая повесть по мотивам жития мц. Иулии Карфагенской-Часть 1. Детство** Алайо. Невольничий рынок. Жара. 238 год по Рождестве Христовом. Разговоры в толпе:- Рабы подешевели после разгрома Карфагена…- Да уж… Сами виноваты – выступить против Рима, это кем надо быть?..- Ну, эти не виноваты, кто был виноват – всех под нож. Эти простолюдины.В толпе невольников – маленькая девочка. Сколько ей? 7? 8? 10? Длинные черные волосы, огромные глаза…- Продаются слуги для кухни! Повар, две кухарки, поварята – 2, нет, 3 штуки!.. Третий поваренок в придачу, бесплатно!Кто бы знал, что бесплатный третий поваренок – младшая дочь второго по влиянию человека в Карфагене, Аналсона Юлия Пробуса, вельможи, на всю римскую Африку прославившегося своей мудростью, честностью и бескомпромиссностью. Аналсона, который был жестоко казнен месяц назад в ходе подавления восстания, против начала которого он приложил все свое влияние… Казнен теми, кто это восстание начинал.**********Иулия сама не знала, почему ей так запомнился разговор, свидетельницей которого она невольно стала.Был удивительно теплый осенний день. Яркое солнце проникало в окна дома, нагревало мраморные стены, манило в сад. Девочка вышла во внутренний дворик. Полюбовалась, как блики, падающие в фонтан, играют с золотыми рыбками и причудливо высвечивают мозаики на дне. Подошла к усеянному алыми цветами большому кусту граната… Интересно, что будет, если взглянуть на солнце через его ветви? Не по годам худенькая и маленькая, но очень ловкая, она легко пробралась в самый центр тугих ветвей и затаилась там. Над ней была живая мозаика: алые цветы, небольшие бордовые плоды, сочные темно-зеленые листья, бледно-голубое, пронизанное золотыми лучами небо… Иулия не заметила, как заснула.Пробудилась от мужских голосов. Говорили отец и два

незнакомца. Девочка слегка смутилась. Она была хорошо воспитана и при появлении чужих мужчин всегда уходила в свою комнату на женской половине дома или в какой-нибудь глухой уголок сада. И уж конечно, ей в голову не приходило подслушивать разговоры взрослых. Но вылезать сейчас из куста было явно неуместным, и она постаралась не шевелиться. — Я с самого начала говорил, и повторю еще раз, что выступать против Рима нельзя. Проконсул Гордиан это прекрасно понимает, и никогда не согласится на ваше предложение. – Говорил отец, и Иулия с изумлением заметила в его голосе, обычно столь ровном и спокойном, раздражение. – Я уже молчу о том, имеем ли мы право затевать гражданскую войну. Но идти с небольшим войском и ополчением из колонов против отборных частей Максимина – то же, что выступать с хворостиной против закованного в латы всадника!- Почтенный Аналсон не бывает на гладиаторских боях! – Усмехнулся один из собеседников, голос которого почему-то сразу не понравился Иулии. – А если бы бывал, то знал бы, что боец с сетью нередко валит меченосца! Руки Максимина сейчас связаны войной, и пока он спохватится, Рим будет нашим!- К тому же, Карфаген не один, с нами Нумидия и Мавретания! Наместник Нумидии Капеллиан уже дал согласие выступить общим фронтом!- Сдается мне, Капеллиан-то как раз и хочет сделать из нас обреченных гладиаторов на арене! Втянуть в безнадежную войну, а потом поживиться нашей же кровью. Все знают, что он ненавидит Гордиана и Карфаген.- Ну уж, это слишком! – Оскорбился второй гость. – Что за странные подозрения! Сейчас не время для личных счетов!- В конце концов, невозможно терпеть эти постоянные поборы и конфискации, которые налагает на нас Рим! – Перебил его первый. – И не боишься ли ты, почтенный Аналсон, что, вступаясь сегодня за Рим, завтра ты вполне можешь оказаться арестованным, а твое имение перейдет казне? Особенно, если Максимин заинтересуется, почему ты не желаешь смотреть на гладиаторские бои… – В голосе гостя прозвучала плохо скрытая угроза.- Я ни за кого не заступаюсь и ничего не боюсь. – Голос отца вдруг стал абсолютно бесстрастным, и Иулия поняла, что он рассердился не на шутку. Аналсон встал с места и пошел к двери. Собеседники были вынуждены последовать его примеру. **********Самым большим зданием Карфагена был старинный амфитеатр – гордость горожан. Конечно, он не был столь величествен и огромен, как тот, что возводил в Тисдре проконсул Гордиан, зато его овеивали и предания старины, и воспоминания о событиях, не столь отдаленных по времени… Жители Карфагена, как и все римляне, едва ли не больше всего на свете любили общественные зрелища, и власти давали им эти зрелища, чтобы народ был доволен и послушен. В амфитеатрах проводили не только конные состязания и гладиаторские бои, но и битвы зверей, для которых нередко привозили сотни хищников с разных концов света. Изобретательность организаторов представлений дошла до того, что в амфитеатрах стали устраивать имитации морских сражений, заливая специально устроенную арену водой. Впрочем, семья Иулии никогда не бывала на общественных развлечениях. Аналсон резонно полагал, что подобное времяпровождение не подходит христианам, тем более, что на аренах амфитеатров приняли мученическую кончину многие из их единоверцев. Аналсон редко проводил дни дома – государственная служба при проконсуле занимала почти все время, и Иулия часто оставалась одна. Ее мать скончалась два года назад, еще через год вышла замуж и уехала за море старшая сестра, а братья служили в войске. Девочка читала книги, занималась рукоделием, которому ее учили с раннего возраста, размышляла о чем-то своем, молилась. Дом Аналсона часто посещали приходившие из пустыни подвижники. Был у семьи и духовник – один из карфагенских священников. Неудивительно, что маленькая Иулия привыкла всем сердцем обращаться к Создателю, то читая псалмы и молитвы, принятые в те времена у христиан, то изливая чаяния души своими словами, а то и многократно с усердием повторяя Иисусову молитву.Задумчивая не по годам, девочка мало играла с ровесниками. Уединение не тяготило ее. Иулии временами казалось, что когда рядом никого нет, грань между этим и иным мирами стирается, и совсем рядом с ней оказываются те, о ком она только читала: святые и ангелы, и те, кто уже ушел в Небесное Царствие – ее дорогие мама, бабушка и

дедушка… Однажды – это было зимой, незадолго до того, как произошло злосчастное восстание, разделившее юную жизнь Иулии на «до» и «после», отец не пошел по делам. Он взял дочь за руку и отправился с ней к пустовавшему в будний день амфитеатру. Мужчина и девочка вошли под огромные своды арок, подошли к арене… Разгулявшийся ветер взметал с арены легкую песчаную пыль, трепал волосы Иулии…- Ты знаешь, что происходило здесь? – Спросил дочь Аналсон.- Здесь бывают состязания всадников и гладиаторов… – Неуверенно произнесла девочка. Она чувствовала, что отец ждет от нее другого ответа.- А еще? – Глаза Аналсона были серьезны, хотя обычно, обращаясь к любимой маленькой дочери, он слегка улыбался.- Здесь пострадали святые мученики… Фивия Перпетуя, Сатур… Я читала о них, и отец Феодор рассказывал… — Да. Здесь. Эти события произошли немногим более тридцати лет назад. Мне тогда было столько же, сколько сейчас тебе, и я все видел. Звери не осмелились растерзать христиан, и их убили мечами. Как ты думаешь, почему львы и медведи испугались?- Верных защитила сила Божия. – По-писаному ответила Иулия.- Это так. – Согласился отец. – Но всегда ли Бог защищает Своих верных от бед?- Не знаю… Нет, наверное… – Иулия вспомнила, как плакала и молилась у постели умирающей матери.- Господь всегда с нами, но Он делает только то, что считает нужным. – Подтвердил Аналсон. – И тех же святых мучеников все же закололи мечами. И это не беда – ведь теперь они находятся во славе, со Христом, и никто уже не отнимет у них их радости. Так, ты не догадалась, почему звери не хотели нападать на них?..- Потому что они… не боялись? – Иулия широко раскрыла глаза.- Молодец! – Аналсон улыбнулся и вдруг подхватил девочку на руки. – Они не боялись, потому что были готовы умереть за Христа, были готовы на все, – и львы, перед которыми трепетали даже сильные воины, не смели подойти к ним! Запомни это, и не бойся ничего и никогда! Это не избавит тебя от бед, но поможет остаться верной Богу и самой себе.- А как можно не бояться, если… если очень страшно? – Иулия доверчиво посмотрела на отца. Аналсон на мгновение задумался, и по лицу его пробежала тень.- Для этого надо заранее согласиться на все, что попустит тебе Бог. – Проговорил он. – Делать то, что от тебя зависит, чтобы все было хорошо, но быть готовым к любому исходу. И знать, что поступишь по совести, что бы за этим ни последовало.Наступил Великий пост. Отец приходил домой все более мрачным и задумчивым. Слуги о чем-то шушукались по углам. Иулия слышала обрывки фраз взрослых:- В Тисдре убили римского прокуратора! Что-то теперь будет?..- Карательная операция, разгром… — Убереги Бог!- А может быть, наши не позволят?..- И что, война с Римом?- Иулия, иди в свою комнату! Эй, Сира, что же ты совсем не следишь за ребенком!..Однажды служителей дома охватило лихорадочное возбуждение. Из-за высокой каменной ограды с улицы доносились громкие речи, радостные клики, песни…- Наш проконсул Гордиан – Римский император! – Сверкая глазами и перебивая самого себя от волнения, рассказывал городские новости подросток Тит, посыльный управляющего хозяйством. – Граждане пришли к нему и насильно накинули на Гордиана пурпурную мантию! Он отказался было, а потом и согласился – а что делать, если все помощники прокуратора перебиты, и миру уже не быть!- Ой, Господи… – Простонал управляющий, почтенный пожилой слуга Онисим. – Не быть миру… А чему ж быть-то?!- Гордиану-то уж хорошо за 80!- Зато Гордиан-младший молод и силен! Его объявили императором вместе с отцом, и он уже возглавил войско!..**********…Был ранний вечер. Гуляя в саду, Иулия увидела отца и младшего из своих братьев – 15-летнего Гая. И когда они пришли со своей войны?.. Обрадованная девочка хотела подойти к ним, но что-то в выражениях лиц заставило ее остановиться, застыв в тени кипариса. — Мальчик мой, – говорил отец. – Не думал я, что твой первый бой будет таким. Нас втянули в борьбу, успех которой может даровать лишь чудо Божие. Капеллиан через своих агентов спровоцировал горячие головы из карфагенян поднять восстание, пообещал всячески его поддержать – а теперь вдруг расписался в собачьей преданности Риму и идет на нас с отборными легионами! Наши же ополченцы – начиная с тех, кто кричал громче всех, разбегаются при его приближении, словно мыши перед котом. Но что мы, воины, можем

сделать, когда сражение уже идет?- Стоять до конца, чего бы это ни стоило! – Твердо проговорил юноша, и глаза его сверкнули.- Другого ответа я и не ожидал от тебя, сын. Мы не можем отступить без приказа, не можем оставить на разграбление город и предать Гордиана, который хотел этого восстания меньше всех. Готовимся к битве.**********В следующий раз отец появился, когда со стороны городских стен уже слышались удары каменных ядер, метаемых катапультами, и страшный грохот обвалов. Его принесли на руках слуги.- Отец, отец, что с тобой? – В страхе закричала Иулия и хотела бежать в комнату Аналсона, но управляющий Онисим преградил ей путь.- Отец заболел, он должен отдохнуть. Он позовет тебя позже. — Что с ним?! Я уже не маленькая, скажите мне! Отца убили?- Нет-нет, что ты… Он ранен, большая потеря крови. Сейчас его посмотрит врач…**********А шум за окнами приближался. Грохот и крики слышались уже совсем рядом – от стен имения. Почти все слуги куда-то исчезли… В это время Аналсон позвал Иулию к себе.Когда девочка вошла в комнату, отец полулежал на постели. Левая рука и голова его были перевязаны, лицо бледнее обычного, но, как всегда, спокойно.- Папа, что с тобой? – Иулия бросилась ему на грудь.- Я даже не знаю, что сказать тебе, дочь… Ты видишь, настали непростые времена. Помнишь, как апостолы плыли на лодке, и началась буря… А потом они увидели Христа, Который шествовал к ним по волнам, и Петр пошел навстречу?- Да… – Иулия не ожидала, что отец станет вспоминать Священное Писание сейчас.- Ты слышишь, бушует буря. Ее устроили злые и глупые люди, но говорить об этом уже нет времени, и не это главное. – Продолжил Аналсон. – А главное то, что каждому из нас скоро придется покинуть лодку – нашу привычную жизнь, и идти навстречу Христу. И, очень прошу тебя, верь, что Христос будет с тобой, даже если ты Его не увидишь. Я не знаю, каким путем поведет тебя жизнь… Но ты помнишь, что должен был делать Петр, чтобы не утонуть?- Смотреть на Христа и верить, что Господь удержит его на воде.- Это же должны делать и мы. – Закончил речь Аналсон. Он на мгновение прижал дочь к себе, затем вдруг слегка оттолкнул. Осенил девочку крестным знамением и твердо произнес:- А теперь, Иулия, иди в комнату Сиры, надень ее платок и сиди там, что бы ни происходило. И… если тебя все же найдут чужие люди, никому из них не говори, кто ты. Пусть они думают, что ты одна из служанок.- Что?..- Иди. Беги скорее. И… всегда будь верной Христу. – Аналсон вложил что-то в руку девочки и подтолкнул ее к двери. Привыкшая к послушанию, Иулия машинально отправилась в комнату своей воспитательницы. Там было пусто, но из окна доносился какой-то странный шум. Крики, топот, скрежет… Бросив взгляд в окно, девочка вдруг увидела почти рядом с собой огромную белую лошадиную морду. Закованный в панцирь всадник промчался около самого дома. Не помня себя, Иулия нырнула под ложе и скрылась за его длинным пологом. И вовремя – в коридоре уже раздавались чьи-то тяжелые шаги.

Часть 2. Среди людейИмение господина Евсевия, расположенное в Палестинской Сирии, недалеко от Ашкелона, считалось одним из лучших в округе. Его хозяин был известен как оборотистый купец. Он радушно принимал торговцев из далеких стран, оптом скупал их товары и вез дальше – на рынки центрального Средиземноморья, где заодно продавал и плоды своего хозяйства. Огромный ухоженный сад скрывал в глубине каменный господский дом, легкие постройки мастерских, домики рабов. Каждый здесь знал свое место. С раннего утра управляющий Прот обходил службы: огород, сад, где выращивались фрукты, орехи и, конечно, оливки, а главное – мастерские: ткацкую, красильную, гончарную… И везде видел результат своей неусыпной бдительности: усердно трудящихся работников, полные амбары. Редко-редко жизнь в имении выходила из привычного русла, вместо обычной тишины, нарушаемой лишь тихими деловыми разговорами, слышались песни и клики, а рабы прекращали свои труды и веселились, деля между собой жаренное жертвенное мясо и запивая его слабым красным вином собственного приготовления, посвященным Деметре и Дионису. Это происходило в праздники богов, чтимых хозяином, а также в дни, когда Евсевий хотел отблагодарить Олимп за помощь в делах или испросить у его обитателей

благословения на задуманные начинания. — Иулия, завтра ты отвечаешь за скотный двор и птичник. – Обращается Прот к одной из служанок – невысокой худенькой, совсем еще молодой девушке. – Или может быть, повеселишься со всеми? – Пожилое загорелое лицо управляющего сверкнуло хитрой улыбкой.Девушка ничего не ответила, лишь напряженно выпрямилась.- Да знаю я тебя, не волнуйся. – Поспешил успокоить ее Прот. – Хочешь работать, пока все веселятся, – пожалуйста, должен же кто-то и за скотиной смотреть.Иулия была одной из лучших работниц имения, и Прот знал, что на нее можно положиться: не украдет и зернышка, любую работу выполнит по совести. К тому же, девушка была грамотна и обладала острым практическим умом. Одно лишь смущало распорядителя: Иулия являлась убежденной христианкой и, единственная из всех, была абсолютно неуправляема, когда речь заходила о вере. Привезенная с невольничьего рынка маленькой девочкой, она наотрез отказалась приносить жертвы чтимым хозяевами богам. Не помогали ни уговоры и посулы, ни довольно чувствительные наказания – казавшаяся совсем еще ребенком пленница молча терпела побои и голод и только мотала головой, когда ей предлагали покориться. Наконец, ее оставили в покое – господин Евсевий был слишком практичным человеком, чтобы убивать или калечить рабыню, которая хорошо выполняла свои обязанности. Первое время в дни языческих торжеств Иулия пряталась так, что никто не мог ее разыскать, но потом между ней и Протом сложилось молчаливое соглашение: на девочку просто возлагали всю срочную работу, от которой освобождались отмечавшие праздник идолопоклонники, а прислать ей жертвенных яств благополучно «забывали». **********Однажды хозяин привез в поместье новую рабыню, купленную им на рынке в Кесарии. Красивая молодая женщина была приобретена за свое искусство ткать редкостной выделки ковры-шпалеры – об этом ее умении говорил продавец, показывая и образцы работы Зои. Господин Евсевий обрадовался удаче: он давно хотел завести у себя в имении какое-нибудь ценное производство. Но пока от Зои было мало проку. Пленница почти ничего не ела и целыми днями сидела у ткацкого станка, опустив руки и уставившись в одну точку. Она смертельно тосковала по мужу, убитому у нее на глазах и, к тому же, не могла принять собственной участи. Образованная и еще недавно довольно состоятельная молодая женщина никак не могла ожидать, что судно, на котором они с супругом отправились в не столь дальнее путешествие, будет захвачено пиратами, и ее продадут на рынке, как какую-то вещь. Однажды Прот не выдержал и заявил Зое:- Если завтра к вечеру ковер не будет готов хотя бы на четверть, я отхлещу тебя плетью на виду у всех рабов!Женщина не подняла глаз, но Прот увидел, как кровь прилила к ее лицу…Вечерело. Жители рабочей части имения, завершив дневные труды, собрались на кухне. Иулия раздавала каждому по миске похлебки и по горсти слив из сада. Вот уже возвратились огородники, поливавшие на закате гряды… Не было только новенькой. — Зоя что, решила не ужинать? – Спросила Иулия у ткачихи Проклы, которая как раз заканчивала трапезу. — Да кто ее знает? – Пожала плечами та. – Сидела весь день, опустив голову, а потом вдруг вскочила, и бежать опрометью… Я еще немного после ее ухода поработала, да и пошла. Ну и будет ей завтра трепка!- А что такое?- Да, господину Проту надоело ее безделье с кислой миной. Сказал, если так ничего и не соткет, отхлещет ее плеткой при всех. Недаром же за нее деньги плачены! Иулия молча сняла передник и вышла в сад. На душе ее было тревожно. Оглушительно трещали цикады, стремительно темнеющее небо еще очерчивало контуры деревьев. «Господи, где может быть Зоя? – Взмолилась девушка. – Как мне отыскать ее?» Немного постояв, Иулия наугад отправилась к тому месту, где сама любила скрываться в уединении.**********… Зоя стояла среди кустов олеандра, близ кряжистого старого орехового дерева. «Пожалуй, эти сучья выдержат мой вес…» Она стала развязывать узкий пояс платья. «Это надо было сделать еще два месяца назад. – С удивительным для себя самой спокойствием думала молодая женщина. – Как я могла позволить превратить себя в рабыню?.. На что надеялась, чего боялась? Пора положить конец этому кошмару».Вдруг раздался шорох листьев, кусты раздвинулись, и

перед Зоей появилась слегка запыхавшаяся от быстрой ходьбы Иулия. — Зоя, что же ты не идешь на ужин, – заговорила она таким тоном, словно пленницы давно и много общались, хотя новенькая еще не удостоила вниманием никого из обитателей имения. – Я оставила тебе похлебки и слив. Пойдем, мне надо закрывать кухню.- Иди, закрывай. – Резко ответила Зоя. – Я не буду ужинать.- Без тебя я не пойду.- Почему?- Не знаю. – Вдруг почти по-детски развела руками Иулия. – Что-то говорит мне, что я должна остаться около тебя.- Странная ты девочка. – Немного опешила Зоя. – Но я прошу тебя, очень прошу – уйди!- Не могу. Хотя за оставленную неприбранной и открытой кухню мне и попадет…- Вот и иди!Иулия не нашла, что сказать, и ничего не ответила. Повисло неловкое молчание. Так они и стояли: 18-летняя Иулия, выглядевшая намного моложе своих лет и казавшаяся девочкой-подростком, и вконец растерявшаяся под ее внимательным взором 20-летняя Зоя. Сколько времени прошло: две минуты, пять, пятнадцать, ни одна из них не могла бы сказать. Вдруг Зоя закрыла лицо руками и из-под ее изящных, слегка полноватых пальцев потекли крупные слезы. Иулия осторожно обняла ее за плечи. — Зоенька, милая! Не плачь… Или нет, плачь, плачь сколько хочешь, может быть, тебе полегчает…И Зоя разрыдалась в голос. Как это бывает с людьми, долго не дававшими излиться своей боли, она совсем потеряла контроль над собой. Зоя стала говорить: сбивчиво, быстро, жалуясь одновременно на настоящее, прошлое и будущее. Наконец, она резко оборвала речь и твердо сказала:- А теперь оставь меня. У меня есть только один выход, и я уже нашла его.- А твоя вера позволяет этот выход? – Пристально посмотрела на нее Иулия.- Христос… Ой! А, ладно, даже если ты донесешь на меня, уже все равно… Христос не спас меня от горя и рабства. Если Он имеет хоть каплю милости, Он простит мне это решение.- Я так и думала, что мы сестры по вере!- Ой. Ты тоже?! – Зоя воззрилась на Иулию. — Да… Зоя, если бы ты знала, как ты нужна, как драгоценна для меня! Я с 10 лет не встречала ни одной родственной души…- Тогда ты поймешь меня. Хотя, что ты, девочка, можешь понимать! Губы Иулии на мгновение тронула горькая усмешка, но она прогнала ее и тихо проговорила: — Прошу тебя, не делай безумного шага. — Бог простит меня! – Почти прокричала Зоя.- Бог растит твою душу, как цветок. А ты хочешь сорвать его нераскрывшимся… Можно силой разорвать лепестки бутона, но они уже никогда не станут тем прекрасным соцветием, которое задумал Творец!- Лепестки моей души были растоптаны два месяца назад!- Ты сама не знаешь, что произошло и что еще произойдет с твоей душой. И с твоей жизнью. Господь силен сотворить чудо… — Но жизнь невыносима! …Ах, почему я не погибла при захвате корабля, как мой Ясон, и не умерла по дороге!.. Как я позволила привязать себя, словно скотину, к телеге и погнать на невольничий рынок!..- Все мы привязаны к телеге завоевателя и идем туда, куда нас ведут… – Вдруг изменившимся, едва слышным голосом проговорила Иулия. – Тот, кто бросится вперед или в сторону, будет остановлен рывком веревки, и эта веревка еще сильнее врежется в его руки. Тот, кто не захочет идти, упадет, и его поволокут по пыльной дороге, и каждый камень на ней больно ударит его. Остается идти так, чтобы веревка не была натянута, тогда путь покажется сносным.Воцарилось недолгое молчание. Зоя удивленно посмотрела на Иулию и произнесла:- Ты говоришь, как философ. Где ты научилась этому, с детства живя здесь при кухне и скотном дворе?- У меня было время обдумать все это.- Но где же выход? Неужели суть в том, чтобы просто существовать?! — Нас ведут туда, куда мы не хотим. Но главное состоит в том, что пройдя этот путь, мы окажемся там, куда нам очень хочется. Обретем свободу во Христе. Там… и, может быть, уже здесь. – Убежденно проговорила Иулия. А затем вдруг добавила – я буду молиться, чтобы Господь переменил твою жизнь к лучшему. И ты молись. И свобода наступит.Зоя снова удивленно посмотрела на нее. Ей показалось, что Иулия уже видит эту свободу, которая вот-вот наступит. Пленницы немного помолчали и, не говоря больше ни слова, направились к кухне.К концу следующего дня Зоя успела соткать столько рядов нового ковра, что стал виден его узор. Оценив тонкость и самобытность этого узора, Прот прицокнул языком от радости и пошел прочь, довольный, что

надежда на труды новой работницы не обманула его господина. **********Слегка розовеет предрассветное небо. Прячутся за кронами персиковых деревьев последние звезды. Все дружнее становится пение пробудившихся птиц. Под раскидистыми ветвями грецкого ореха едва видна коленопреклоненная фигурка девушки.- Господи! – Молится Иулия. – Прошу Тебя, пошли Зое свободу и счастье! Ты Единый ведаешь, как это возможно! Ты все можешь! Все!.. – Иулия немного помолчала и добавила – Боже Милостивый! Ты видишь, я уже не прошу чуда для себя. Раз его не произошло до сих пор, значит такова Твоя воля обо мне, и я приняла ее. Я привыкла, притерпелась… Ты один лишь есть у меня. Ты – мой Отец и Жених, моя радость. Но помоги Зое! Ты видишь, как ей тяжело! Молитвами Пречистой Твоей Матери и всех святых, освободи ее из плена!..Девушка еще немного помолчала и добавила:- Боже мой, я благодарю Тебя, что Ты послал мне встречу с Зоей! Мне так хорошо беседовать с ней, я так много узнала от нее о жизни христиан за эти несколько дней!.. Ведь я так мало знаю и помню! И нам так хорошо молиться вместе! Но Зоя не должна быть в рабстве! Молю Тебя, пошли ей свободу!**********- Зоя, какие красивые ковры ты ткешь! – Воскликнула, зайдя в мастерскую, Иулия. – У нас здесь никогда не было ничего подобного!- Это еще самый простой вид. – С легким оттенком снисходительности в голосе проговорила Зоя. – У себя на родине – на Керкире я ткала шпалеры, за которыми специально приплывали из-за моря, чтобы украсить ими царские палаты. У нас с сестрами и служанками была своя мастерская, мы делали целые картины: люди, нимфы…- И языческих богов изображали? – Нахмурилась Иулия.- Только то, что не противоречит совести. – Успокоила ее Зоя. – Может быть, ты знаешь, что многие мифы можно истолковать в христианском понимании. Например, Орфей, который выводит из аида свою жену Эвридику, – символ Спасителя, спустившегося в ад, чтобы освободить людей. Соответственно, Эвридика – это человеческая душа, томящаяся под гнетом греха. Корабль – символ Церкви, значит, аргонавты, плывущие за золотым руном, – это верующие в поисках Божественной благодати… Язычники не молятся на ковры, это же не статуи, поэтому мы вполне свободно изображаем на них все, что хотим.- Как хорошо! Сотки такой ковер здесь!- Зачем? – Печально усмехнулась Зоя. – Стоит ли трудиться для тех, кто держит нас в горькой неволе?- Трудиться стоит для Бога. – Убежденно заговорила Иулия. – Господь попустил нам оказаться здесь, и мы должны работать для Творца неба и земли, а не для людей. Смотри: птица поет, цветок благоухает – вовсе не думая, что этому радуются люди, которые, может быть, через минуту сорвут цветок и застрелят птицу. Каждое Господне создание украшает мир, делая его прекрасным!- И только люди все разрушают… – Прошептала Зоя. На другой день она принялась за новую работу. **********Господин Евсевий любил ненароком нагрянуть к своим работникам – посмотреть, как идут дела. Проверить, не обманывает ли его управляющий, не ленятся ли рабы. Вот и сейчас, когда на пороге мастерской вдруг появилась высокая, слегка тучная фигура хозяина, никто не удивился. Евсевий окинул цепким взором станки ткачих, выделывавших тонкие шерстяные материи, подошел к работавшей у самого окна Зое. — За то время, что она живет у нас, новая работница выткала два хороших ковра. – Пояснил, появляясь из-за спины хозяина, Прот, – он успел прибежать в мастерскую, услышав, что Евсевий нагрянул сюда. – Эта шпалера начата неделю назад.Господин Евсевий слегка кивнул, всмотрелся в ковер… и замер. Нечто подобное он видел лишь однажды, на рынке в Афинах, и стоимость того ковра исчислялась баснословной суммой.- Великолепно! – Не стал он сдерживать восхищение. – Этого я и ожидал, приобретая ее за огромную цену! Мы будем делать ковры для дворцов! – И обратился к Зое:- Ты сможешь обучить своему искусству других девушек?- Да, я уже научила многих у себя на родине. – Просто ответила Зоя. — Очень хорошо. Подберите пять учениц из самых способных молодых рабынь, завтра начнешь. Ткачих перевести в другое помещение, пусть пока потеснятся с пряхами, и надо начинать строить для них новую мастерскую. А здесь будут делаться ковры. Как легко предположить, среди Зоиных помощниц оказалась и Иулия. Прот попробовал было сопротивляться – ему не хотелось терять

безотказную работницу, на которую можно было возложить любое хозяйственное дело, от птичника и черной кухни до подсчета привезенных с рынка товаров.- Она же никогда не работала в рукодельных мастерских, возьми лучше из ткачих!- Между тем, она из Карфагена, который с давних пор славится своими коврами. – Парировала Зоя. – Может быть, вспомнит какой-нибудь интересный орнамент. И в детстве Иулия занималась рукоделием.- Ох… Уже спелись!..– Проворчал Прот и подозрительно произнес – А ты, случаем, тоже не христианка ли?- А если и да – то что? – С вызовом произнесла Зоя.- Что-что… Иди, работай! – Махнул рукой управляющий. — Как ты пела, повтори еще раз! «Хвалите имя Господне, хвалите, рабы, Господа» – а дальше? – Спрашивала Иулия у Зои. Они стояли в своем любимом глухом углу сада. Был поздний вечер, когда работники поместья имели пару часов свободного времени.- Давай споем вместе. «Хвалите имя Господне, хвалите рабы, Господа, благословен Господь… Аллилуйя».У Зои была хорошая память, у Иулии еще лучше, и часто на закате подруги, скрывшись под ветвями грецкого ореха, воспевали Богу вечерние славословия. Иулия с трепетной радостью вспоминала почти забытые с детства слова и напевы. — Вот так мы и хвалим имя Господне, кого бы куда ни занесла жизнь… – Задумчиво проговорила Иулия, когда пение умолкло. – А теперь, благодаря тебе, я могу славить Бога разными песнями.- А как ты молилась раньше?- Кое-что я помнила. А еще – как все христиане: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную»… Вот здесь – и она указала на сердце.- У тебя что, молитва в сердце? – Опешила Зоя.- А что такого? – В свою очередь удивилась Иулия. – Я же причащалась в детстве, вот Господь и живет во мне…- И ты это чувствуешь?!- Ну да. Знаешь, когда меня привезли сюда, я была маленькой, мне было так страшно и одиноко… Вскоре устроили какое-то торжество в честь идолов, выдали всем по куску жертвенного мяса, стали читать заклинания… Я просто вскочила и убежала, мясо бросила собаке – думала, никто не видит, а Прот проследил. Ох, и побил он меня! Мне было очень тяжело. А потом молитва как-то так зазвучала в сердце, и стало тепло и хорошо… И совсем не одиноко. И с тех пор Христос всегда со мной. Ну или почти всегда… Но вы-то, те, кто участвует в богослужениях, причащается, наверное, всегда чувствуете Господа в себе! Ох, я даже не представляю, какое это счастье… – Иулия умолкла на полуслове, лицо ее немного порозовело и стало каким-то необычайным… «Никогда не замечала, какая она красивая! – Подумала Зоя. – Удивительная девочка! Она сама не понимает, что даровал ей Бог, думает, что у всех бывает то же самое. Видела бы она христиан, которые после Причастия суетятся, ссорятся, даже не думают о Боге…» Зое стало ужасно стыдно, ей вспомнились казавшиеся мелкими огрехи прошлой, свободной и беззаботной жизни, ставшие вдруг такими безобразными на фоне святой наивности Иулии. **********Господин Евсевий не мог нарадоваться работницам ковровой мастерской. Зоя щедро и без утаек передавала девушкам секреты ремесла, и они уже ткали неплохие орнаментальные шпалеры. У Иулии, помимо прочего, обнаружился талант организатора производства: она могла рассчитать, сколько и каких ниток понадобится для того или иного ковра, научилась переводить живописные картины в схемы, по которым удобно работалось ткачихам. К тому же, она уже учила азам мастерства лучше самой Зои: Иулия всегда знала, что какой девушке сказать, чтобы та поняла и послушалась. В довершение всего, в отличие от пылкой эмоциональной Зои, Иулия никогда не раздражалась и не теряла терпения. — Похоже, у нас уже есть готовый руководитель мастерской! – Глядя на нее, посмеивался хозяин. Новый ковер, изготовленный Зоей, заставил сбежаться всех, кто был вхож в мастерскую – Евсевий даже пригласил взглянуть на него супругу с дочерьми.- Да это же… она! – Быстроглазая 14-летняя Афина, младшая дочка хозяина, указала на саму мастерицу.- И впрямь! – Зашумели присутствующие.На шпалере была мастерски выткана печальная Эвридика с распущенными по плечам волосами, сидящая у темных вод Стикса. Склоняются над девушкой плакучие ивы, чернеют кипарисы… А лицо Эвридики – точь-в-точь сама Зоя. — Что это ты себя выткала? – Усмехнулся Евсевий. – У нас тут

аид, по-твоему?Зоя загадочно улыбнулась и ничего не ответила.- Выдрать бы тебя за такие проделки, – брюзгливо заявил владелец имения, – да что проку. Сотки-ка нам что-нибудь более радостное… И вот их изобрази! – Указал он на обрадовано защебетавших дочерей. А эту «Эвридику» мы продадим, и, надеюсь, за хорошие денежки…После этого случая хозяин поместья задумал расширить предприятие: построить новое здание мастерских, оборудовать его, закупить лучшие материалы, а главное – приобрести еще несколько способных молодых рабынь и научить их ткать шпалеры. «Сейчас, – размышлял он, – у нас 5 мастериц плюс сама Зоя. Если поставить большие станки, можно будет делать большие ковры, над которыми трудятся бригады по 4-5 девушек. Зоя не в счет – вместе должны работать ткачихи одного уровня. Пусть она делает тканые картины, такого не сможет больше никто. Если купить еще 11 человек, можно будет разбить их на 4 бригады и получать по 4 больших ковра одновременно». Чтобы осуществить свой замысел, он решил отправиться в Алайо – на рынок, куда свозили лучших невольников из разных стран.- Послезавтра ты поедешь со мной в Алайо, собирайся. – Отдал он приказ Иулии, зайдя однажды утром в мастерскую. – Поможешь выбирать нитки для ковров и новых девушек-работниц.И, прочтя на лице Зои явственно отразившийся на нем вопрос, добавил:- А ты даже не думай! Ты слишком ценная, чтобы возить тебя по рынкам, мало ли что!**********Яркий осенний день радостно высвечивал лица пестрой толпы, солнце рассыпало блики по белым плитам площади, окруженной двумя рядами стройных колонн. Иулия робела: она, никогда не покидавшая затерянного в садах имения, вдруг увидела целый мир. Плыла по морю на большом парусном корабле, ехала в запряженной конями повозке… И вот – Алайо, базар. Город, не раз виденный ею в смутных и горьких снах-воспоминаниях. Мощные каменные стены с башнями, укрепленные ворота… У главного въезда – небольшой отделанный мраморными плитами храм, перед которым стоят алтари Гермеса, покровителя торговцев, и Аполлона. Евсевий, проходя, кинул в кадильницы по щепоти дорогого фимиама. Иулия немного отдалилась и прошла мимо, не склоняя головы. Хозяин недовольно покосился на нее. «Не хватало еще этих ее христианских припадков, из-за которых непременно возникнут проблемы с властями города! – Подумал он. – Да молись ты, кому хочешь, но надо же и покровителям места, где находишься, честь воздать! Ни Зевс, ни Дионис не обижаются, когда, приехав в Египет, мы кланяемся Осирису!»Как и все язычники античности, Евсевий спокойно относился к поклонению любым божествам, но считал страшным кощунством отказ воздать почитание богам, в зоне влияния которых ты оказался. Такое кощунство, по вере язычников, могло вызвать законный гнев оскорбленных божеств, грозящий излиться не только на дерзкого, но и на тех, кто не сумел заставить его вести себя должным образом. Поэтому он и поощрял Прота следить за Иулией и принуждать ее участвовать в общем культе, пока не убедился в бессмысленности этого.В первый же день пребывания в городе господин Евсевий быстро нашел сбыт для дорогих товаров, привезенных ему с Востока. Заодно сумел выгодно продать ковры, сотканные Зоей и ее помощницами. Интерес, проявленный на рынке к изделиям мастериц, укрепил предприимчивого сирийца в его намерениях. Поэтому второй день был посвящен мастерской. Евсевий с Иулией обошли базарные ряды, где торговали нитками. Трое дюжих рабов-носильщиков едва пробирались через толпу, неся огромные тюки с отобранными девушкой материалами. Довольный хозяин дал Иулии денег на новое головное покрывало. От господских подарков не отказываются: девушка сменила грубый платок из небеленого льна на тонкий светло-бирюзовый. Ветерок весело играл тканью и холодил полуприкрытое лицо.- Завтра пойдем выбирать работниц. – Обратился к Иулии Евсевий. – Молись своему… Богу, – он лукаво подмигнул девушке, – чтобы послал нам самых толковых.**********- Господи! – Молилась Иулия ночью в гостинице, – Боже! Ты видишь, какое непосильное для моего ума дело на меня возлагают! Как я могу распоряжаться судьбами людей, покупать кого-то? Сам помоги мне выбрать тех, для кого жизнь в нашем поместье станет доброй судьбой!..**********- Господин, позволь

обратить твое внимание на эту девочку. Смотри, какие у нее тонкие и гибкие пальцы! – Иулия остановилась около загорелой девочки лет 12, испуганно жавшейся к колонне. – Милая, ты умеешь делать ковры?- Нет… Я умею только прясть нитки и ткать холсты.- Отлично. Значит, научишься и ковроткачеству. Откуда ты, как попала сюда?- Я из Нумидии. Меня забрали из семьи за долги… за налоги… – Девочка опустила голову, и горькие слезы покатились по ее лицу.- Ну ты, не вой! – Замахнулся на бедняжку продавец, испугавшийся, что плач отпугнет покупателей. — А ты не рассупонивай! – Ворчливо обратился Евсевий к Иулии. – Видишь, от твоих вопросов девчонки нюни распускают! – И полез за кошельком.«Бедная Африка… По-прежнему тебя душат налогами…» – С грустью подумала Иулия и обняла девочку за плечи.- Не бойся ничего, – шепнула она ей по-финикийски – мы с тобой подружимся. Будем жить в имении среди прекрасного сада и рукодельничать. Как тебя зовут?- Ника… – Девочка доверчиво посмотрела на Иулию, и в ее глазах мелькнуло радостное изумление. – А откуда Вы знаете наш язык?- Я из Карфагена.- Ой… – Девочка вжала голову в плечи.«Понятно. Значит, нумидийцы помнят, как погубили наш город…» – Отметила про себя Иулия, а вслух сказала:- Не бойся. Я тебя не обижу. Рада встретить соседку.- Что вы там болтаете на неизвестном языке? – Воззрился на Иулию Евсевий. – Ох, и введешь ты меня в беду… Девушки замолчали. Пройдя еще несколько рядов, Евсевий и Иулия приобрели четырех рабынь. Хозяин внимательно присматривался, как Иулия смотрит на девушек, на кого обращает внимание. «А у нее прирожденная деловая хватка. И проницательность. – Отметил он про себя. – Не рабыней бы ей быть…»- У тебя неплохо получается. – Похвалил он Иулию. Та слегка поклонилась. – Мне надо еще кое с кем тут встретиться. Оставляю тебя с этими гераклами – он кивнул на рабов-носильщиков, – вот тебе деньги еще на пять мастериц. Приобретешь их, и приходите все вместе в гостиницу.Когда Евсевий ушел, Иулия осмотрелась. Ее взгляд упал на стоявшую неподалеку девушку лет 16. Одетая в тонкий короткий хитон, который едва закрывал одну грудь, она пыталась прикрыться длинными волосами удивительного золотистого цвета. Довольно смуглое лицо девушки было покрыто густым румянцем. Казалось, она вот-вот разрыдается от страха и стыда. Иулия заметила, что дрожащие губы молодой рабыни что-то шепчут. «Иисус Христос» – вдруг прочла по ним Иулия.Около помоста, на котором стояла золотоволосая красавица, собралась небольшая толпа зевак, среди которой выделялись двое покупателей.- Посмотрите, какая кожа, какая грудь! – Нахваливал свой редкостный живой товар продавец, – счастлив тот, кто первым возьмет ее себе!- Я беру! – Не выдержал один из покупателей, полный лысеющий патриций. – Сколько ты просишь за нее?- Тысячу золотых.- Не дорого ли? – Скривился патриций, но полез за кошельком.- Она еще не знала мужчины! Ты посмотри на это совершенство! Афродита, Диана! – И продавец откинул с груди девушки копну вьющихся волос.- Я дам тебе за нее 1300 золотых! – Воскликнул второй претендент на покупку, щуплый евнух. – Мой господин будет рад пополнить свою коллекцию таким цветком!Девушка сделала шаг назад и закрыла лицо руками. Раздался смех. Иулия с ужасом наблюдала за позорным зрелищем. Рабы-носильщики стояли рядом, осклабившись и без смущения разглядывая обнаженное женское тело.- Даю 1500!- 2000!- Мой господин заплатит за нее 2500 монет! – Шагнула вперед Иулия, доставая из кошеля все имевшиеся там деньги.**********- Нет, ну вот что ты натворила? – Бушевал Евсевий. – Я что, гарем себе набираю? Мне вполне достаточно законной супруги! «И слава Богу!» – Подумала Иулия.– Зачем ты заплатила за нее цену пяти отменных рабынь? Она же ни слова не говорит ни на одном из известных нам языков! Варварка какая-то! Что с ней делать?- Бог благословит за нее твой дом. – Тихо произнесла Иулия. – Она еще порадует тебя своим рукоделием.- Что?! – Сорвался на крик сириец, – С чего ты это взяла? Ты же не могла говорить с ней! Послушай, если она окажется настолько же бесполезной, насколько красивой, я продам ее персидским купцам, когда они приедут в имение. И тебя заодно, чтобы не своевольничала!На другой день Евсевий с Иулией и шестью купленными рабынями отправились в обратный путь. Хозяин

страшно злился на Иулию и на себя впридачу. «Доверил дело девчонке! Да еще христианке! Она же неуправляема!» С Иулии были сняты все привилегии хозяйской помощницы, и она путешествовала на правах простой рабыни, но более чувствительных кар не последовало, поскольку Евсевий, зная характер своей служанки, понимал их бессмысленность. К новой рабыне он не питал ни малейшего интереса – к ее счастью, он не относился к числу ценителей женской красоты.**********Зоя с Иулией разбирали и раскладывали привезенные с рынка нитки. — Это отдадим вышивальщицам… А из этого получится великолепный ковер! – Зоя радовалась, как ребенок, перебирая разноцветные мотки и представляя, какие шпалеры сможет изготовить, – Ах, Иулия, если бы ты знала, какие иконы мы ткали! Но здесь нам никто не позволит этого сделать… В комнату неслышными шагами вошла Марьям – за время пути Иулия узнала, как зовут золотоволосую девушку, и попыталась обучить ее азам латыни. Марьям была в платье Зои, на которое она с радостью сменила свой короткий хитон – девушки были одного роста. На волосах – бирюзовый платок Иулии: та сразу же отдала его новенькой, чтобы она смогла прикрыть грудь. Марьям окинула внимательным взором мастерскую… Склонилась над грудой ниток и выбрала самые толстые. Затем подошла к пустовавшему станку и стала натягивать основу.- Кажется, она умеет делать ковры! – Затаила дыхание Иулия. Но Марьям натягивала нити иначе, нежели это делали Зоя и ее ученицы. Закончив работу, она вновь стала выбирать нитки – и снова взяла самые толстые, которые Иулия приобрела для отделки края шпалер. Прикрепив нить к станку, девушка вдруг стала быстро-быстро плести, неуловимым движением завязывая непонятной формы узелки. — Да она же плетет ворсистый персидский ковер! – Воскликнула Зоя. – Вот уж чего я не умею, и что с лихвой окупит деньги, которые ты за нее отдала! Ну, пляши, Евсевий! – И Зоя сама, вскочив с места, пустилась в пляс. Иулия прикрыла глаза и перекрестилась. **********Оказалось, что Марьям владеет еще более ценным и редким ремеслом, нежели Зоя, – умеет делать толстые ковры с ворсом, что в описываемые нами времена было большой редкостью.- Как ты узнала, что она такая рукодельница? – Расспрашивала Иулию Зоя.- Да я и не знала. – Пожала плечами та. – Видела бы ты, как она там чуть ни в голос молилась на рынке, а вокруг нее расхаживали эти похотливые мерзавцы! Тут уж не до мастерской!- А что еще две из выбранных тобой девушек христианки, ты тоже не знала? – Лукаво улыбнулась Зоя.- Нет, конечно. Что я, по-твоему, пророчица? – Удивилась Иулия. – Их я как раз для мастерской выбирала, показалось, что они справятся с работой.«Вот как раз Господь тебе и открывает, – подумала Зоя, – за твою верность…» Но говорить ничего не стала, чтобы не смутить смирение Иулии.Получив известие, что Марьям оказалась ценнейшей мастерицей, господин Евсевий проникся к Иулии почти благоговейным уважением и назначил ее начальницей над всеми рукодельницами.Девушки-христианки быстро подружились, часто беседовали и молились вместе. К ним тянулась и маленькая Ника – она была готова вовсе не отходить от Иулии, и та часто что-то рассказывала ей. Вскоре Ника изъявила желание стать христианкой.- Вот бы крестить ее… – Как-то сказала Иулия Зое. – Но где взять священника?- Если священника нет, это может сделать и мирянин. – Ответила Зоя. – Например, ты. Надо только трижды погрузить крещаемого в воду с молитвой «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа».- Как хорошо! – Обрадовалась Иулия, – Может быть, ты это сделаешь?- Почему я?- Ты больше меня знаешь о вере. Вот, и о том, как совершить Крещение, я не знала…Некоторое время спустя, ранним утром, Зоя, Иулия, Ника и их единоверные сотрудницы отправились к реке, протекавшей у самой границы поместья. Выход туда без особого разрешения был строго запрещен рабам, и девушки надеялись остаться незамеченными. Рассвет еще только готовился окрасить небо в свои нежные тона. Спустившись с высокого берега и укрывшись от посторонних взоров за его кручей, христианки стали вполголоса петь молитвы. Вдруг девушки услышали какое-то движение. Метрах в десяти от них зашевелились прибрежные кусты и… из них показался незнакомец, одетый в холщовую рубаху раба.- Мир вам, Христовы души! – Приветствовал он

порядком опешивших подруг.- Кто ты? – Спросила Иулия.- Грешный Феофил, иерей Живого Бога, а ныне раб-огородник из поместья господина Аполлония.- Из соседнего поместья! – Воскликнула изумленная Иулия, – А мы и не знали!- Благослови нас, иерей Божий! – Попросила Зоя. Девушки одна за другой подошли под благословение.Отец Феофил довершил Крещение Ники, и все спешно разошлись по своим рабочим местам, условившись встретиться на том же месте несколько дней спустя.**********Можно ли выразить словами, как ликовала Иулия, сподобившись Святого Причащения на тайной службе, которую совершил отец Феофил… Вместе с девушками из поместья господина Евсевия молились несколько работников его соседа Аполлония, духовные чада священника. История отца Феофила была проста и печальна, как и истории почти всех, собравшихся на это ночное богослужение. Два года назад он был схвачен гонителями веры и мучен за нее. Увидев твердость священника, начальник деревни, где он жил, решил не отдавать страдальца на казнь, а нажиться за его счет. Немного подлечив, он продал исповедника веры в рабство, а заодно и конфисковал в свою пользу дом и небольшой сад, принадлежавшие ему. Лишившись земной свободы, служитель Божий не унывал. Он обратил к вере нескольких товарищей по несчастью и вместе с ними в условленные дни воспевал Бога, собираясь в рассветный час на берегу реки, а в другие дни на рассвете и закате молясь на этом же месте в одиночестве.**********Шли дни. Жизнь в имении текла своим чередом. Марьям научилась немного говорить на латыни, и поведала подругам свою историю. Ее мать была христианкой из Египта, а отец вождем небольшого племени готов. Столь странное сочетание кровей и обусловило ее внешность – почти типичные черты египетской красавицы: тонкий нос, удлиненные миндалевидные глаза в сочетании со светлыми кудрявыми волосами и синими глазами. Девушка выросла в северном Причерноморье, куда отец когда-то увез приглянувшуюся ему невесту, похитив ее из родного дома. Сепфора, так звали мать Марьям, полюбила своего суженного и свою новую родину. Ей удалось обратить мужа в Христианство, и тот умудрялся даже иногда тайно привозить в селение священника, окормлявшего семью и нескольких живших в племени пленных христиан. Так продолжалось до недавнего времени, когда на селение напали римляне – один из военачальников предпринял дерзкую вылазку в глубокий тыл готов и захватил множество пленников, среди которых оказалась и Марьям.Закончился сбор урожая, приближались сатурналии – любимый праздник античных рабов. В это время почти на неделю отменялись работы, все праздновали и веселились.- Может быть, мы тоже можем не работать в эти дни? – Спросила Иулию Ника.- Не знаю. – Развела та руками. – Раньше меня на все праздники отправляли ухаживать за скотом – это хороший способ спрятаться, чтобы не приставали со своими жертвоприношениями. В прошлые два года мы с Зоей потихоньку продолжали делать ковры, и нас не трогали. Но тогда нас было только двое…- Прятаться на скотном дворе – ну уж нет! – Воспротивилась Зоя. – Тебе нельзя портить руки, и нам всем тоже! – Это она и заявила Проту, заглянувшему в конце предпраздничного дня в мастерскую.- А сколько вас… христианок? – Опешил тот перед ее напором.- Шестеро. – Не моргнула глазом Зоя. – Мы с Иулией, Марьям, Ника, Лия и Дионисия. — Ну, не знаю, что с вами делать. – Еще больше оторопел управляющий. – Доложу хозяину…- Да пусть себе молятся, кому хотят! – Отмахнулся от Прота Евсевий, когда тот доложил ему об умножении в имении христианской общины. – Если все служители Распятого работают с усердием и удачливостью Иулии, и если хотя бы половина из них талантливы, как Зоя, – я сам прикажу крестить все имение! **********Пылают костры сатурналий. Веселятся рабы и рабыни: пляшут, поют, едят жареную на огне свинину, посвященную Сатурну. В центре веселья – потешный царь, один из рабов, выбранный на время празднеств шуточным главой имения. Даже хозяева понарошку кланяются ему. В этом году царем избрали Сикста – помощника Прота, надсмотрщика за работниками огорода.Идет второй день торжеств. Подвыпившие огородники обнимают девушек с рабочей кухни и вышивальщиц. Сегодня все можно!- Эй, а почему нет половины

ткачих?! – Кричит Сикст. – Такая там у них красотка появилась, с желтыми кудрями, хочу с ней познакомиться! Сделаю ее своей царицей!- Да не лезь ты к ним, – пытается утихомирить приятеля Прот, – они чуть ни все христианки! Хозяин не велел их трогать: работают хорошо, и ладно!- Что?! – Сикст явно вошел в роль царька, – Иулия у них христианка, знаю! Сколько ее за космы драли – не поддается, ладно, пускай себе. А эти чем таким завоевали себе право не участвовать в общем торжестве? Давайте проверим, что это за христианки такие!- Проверим, проверим! Приведите их сюда! – Зашумела обрадованная готовящимся развлечением толпа. Тщетно Прот пытается утихомирить разошедшихся не на шутку рабов – его никто не слушает.А христианки в это время собрались в мастерской. Зоя и Иулия, пользуясь свободным временем, ткут шпалеру с образом Нерукотворного Спаса, остальные девушки сидят рядом. Ника вслух читает Евангелие от Марка, мелким художественным почерком начертанное на свитке тонкой плотной ткани, – единственную книгу, имеющуюся в общинке. Этот свиток Аналсон вложил в руку дочери при прощании, и девушка сумела пронести его с собой через все испытания. Вдруг раздается шум, топот, крики…Иулия молча поднимается с сиденья, подходит к двери.- Эй, вы! – Прямо в лицо ей пахнул перегаром Сикст, – как вы смеете не праздновать с нами? Я сегодня царь! Приказываю вам немедленно принять участие в общем веселии!- Сикст, ты прекрасно знаешь, что мы христианки и не будем участвовать в вашем празднике. – Иулия пристально посмотрела ему в глаза.- Да уж, про тебя знаю. – Сикст даже немного смешался под взглядом черных глаз Иулии. – Умеешь ты веселье портить… Тебя и трогать не будем. А эти пусть идут с нами, и немедленно! А если такие смелые, отвергать отеческих богов, – пусть докажут это! — Зачем тебе это? – Иулия посмотрела на подвыпившего огородника с состраданием. – Вы веселитесь – ваше дело. Зачем людей мучить?- А затем! – Топнул он ногой. – Вон, какие красавицы! Хочу, чтобы они были в моей свите!Сикст попытался сделать шаг вперед, но Иулия загородила собой дверной проем.- Да уйди ты! – Замахнулся он. И… вдруг сам отлетел в сторону, сбитый с ног ловким ударом – это подошедшая Марьям, отодвинув Иулию в сторону, отвесила молодчику хорошую затрещину. — Еще хочешь? – Произнесла она со своим неподражаемым акцентом и захлопнула дверь.- Ну, Марьям, ты и дерешься! – Придя в себя от изумления, проговорила Зоя.- А что… Я умею. – Смутилась та. – У нас в племени девушки и скакать на коне умеют, и из лука стрелять… Я и мечом немного владею.Остаток сатурналий прошел для христианок спокойно. **********- Иулия, а правда, что мы живем в тех краях, где проповедовал Господь Иисус Христос? – Спрашивает Ника. – Он бывал и здесь, у нас?- Наш Спаситель жил совсем рядом, немного севернее. – Отвечает Иулия. – Если бы мы были свободны, могли бы поехать туда… Правда, эти места сейчас заняты язычниками, и едва ли мы нашли бы там что-то, напоминающее о Господе .- Была бы я свободна, пошла бы туда, и никуда не ушла! – Мечтает Ника. – Поселилась бы в пустыне, как Иоанн Креститель, и молилась, молилась… Ведь это так прекрасно – ходить по земле, по которой ступал Господь!..- Ты лучше здесь всегда помни о Христе, что Он видит тебя, и Он всегда будет с тобой. – Улыбнулась пылкости новообращенной девочки Иулия.**********В конце весны в поместье господина Евсевия произошло событие, которое оставило по себе память очень надолго и, к тому же, положило начало делам, полностью изменившим жизнь в имении.Радостным весенним днем… Впрочем, в благословенной Сирии Палестинской почти все дни светит солнце, а поместье Евсевия удачно расположено в садах в нескольких километрах от Средиземного моря и не страдает от зноя. Поэтому едва ли не любой день там можно назвать радостным – если, конечно, его не омрачают люди. Итак, в один прекрасный день к воротам поместья подъехал объемистый возок, запряженный парой сытых гнедых коней. Раб-привратник проворно бросился открывать: он привык привечать купцов, приезжающих к хозяину. Другой слуга, осведомившись об имени посетителя, побежал докладывать управляющему домом. Встречать нежданного гостя вышел сам Евсевий.

«Деметрий из Рима! Вот так удача! – Удивлялся он собственному счастью: нежданно-негаданно к нему прибыл один из богатейших и известнейших торговцев роскошными предметами интерьера. – Неужели слава о наших коврах дошла до Вечного города?»Из повозки бодро выпрыгнул подтянутый человек лет тридцати, одетый по-дорожному, но с той благородной сдержанностью, которая выдает состоятельность и хороший вкус.- Благородный Деметрий! Чем обязан? – Приветствовал гостя Евсевий. – Пройдем в триклиний, отобедаем!- Буду рад воспользоваться твоим гостеприимством! – Отозвался путешественник.За наскоро накрытой, но вполне достойной трапезой гость поведал о цели своего визита. — Узнал я, – сказал он, поднимая бокал янтарного фалернского вина и закусывая его оливкой, – что ты, почтеннейший Евсевий, открыл у себя прекрасную мастерскую ковров. Шпалеры, которые ткут твои рабыни, заслуживают всяческих похвал! Я хотел бы сделать тебе большой заказ. Но для начала стоит увидеть мастерскую и ее работниц, чтобы понять, на что они способны.- Нет ничего проще! – Расплылся в довольной улыбке хозяин. – Да вот же, взгляни, – он указал на стену, где висела небольшая шпалера с изображением двух очаровательных нимф в увитых цветами туниках. – Это произведение нашей лучшей мастерицы. Она изобразила моих дочерей, и, поверь мне, сходство поразительно!- У тебя прелестные дочери! – Любезно ответствовал гость.Войдя в мастерскую, Деметрий окинул внимательным взором работающих девушек. Три мастерицы ткут один ковер, еще две – другой. Гармоничные сочетания цветов, оригинальные орнаменты – Зоя успела хорошо обучить работниц.- Вполне недурно! – Деметрий подошел к одному из станков. – Однако, где же та, что делает изображения нимф?- Она трудится в соседней комнате.Хозяин и гость прошли в дальнюю горницу. …Зоя поправляла на станке почти готовый ковер. Оставалось доделать совсем немного: обрезать нити основы, обработать края… Скрипнула дверь. Девушка подняла глаза и… пошатнулась, побледнев, как полотно. — Какой прекрасный ковер! – Обращаясь к хозяину, с расстановкой произнес гость, взор же его метнулся по лицу Зои и остановился на нем. – Кажется, я не зря прибыл сюда!- Я покажу тебе и наши ковры с ворсом, их плетет египтянка, которая в совершенстве владеет этим древним искусством! – Соловьем заливался Евсевий, но Деметрий слушал его в пол-уха.**********Вечерело. Зоя, едва досидевшая за станком до конца дня, на подгибающихся от волнения ногах вышла из мастерской. Огляделась. К ней шагнула высокая мужская фигура.-Зоя, здравствуй! Ты… Здесь!..- Да, я. – Девушка опустила глаза. Ее била мелкая дрожь. – Рабыня…- Где нам поговорить без посторонних глаз и ушей?- Идем.Они присели на бревне среди белоснежных и розовых кустов олеандра. — Значит, ты выжила, когда пропал ваш корабль… А твой супруг, Ясон? Он пережил кораблекрушение?- Это было не кораблекрушение. Нас захватили пираты. Я сама видела, как Ясон со стрелой в горле пошел ко дну… Боже мой… – Зоя закрыла лицо руками.- Прости, что напомнил тебе… – Деметрий замялся. От снисходительной важности, сквозившей в каждом его слове при разговоре с Евсевием, не осталось и следа. Перед Зоей он терялся и робел, как мальчик. – Зоя, послушай… Я понимаю, что странно говорить об этом сейчас, при первой встрече, но я не смогу остаться здесь надолго, поэтому все надо обсудить немедленно… Я приехал за тобой!- Что?! Но как ты узнал, что я здесь?- Очень просто. Ты же послала весть.- Я?!Деметрий раскрыл плоскую кожаную сумку и достал из нее аккуратно завернутую небольшую шпалеру. С нее глянуло лицо Зои.- О! Она оказалась у тебя! – Зоя не смогла сдержать радостной улыбки. – Я даже не мечтала о такой удаче! Впрочем… – Осеклась она. – Я и не собиралась посылать весть. Просто выразила то, что было на сердце.- А я прочел это послание твоего сердца. – В тон ей продолжил Деметрий. – Эвридика в аиде, Орфею надо спешить…- Мой Орфей мертв.- Да, прости… Послушай… можно я выкуплю тебя?- И? Ты хочешь открыть мастерскую? – Слегка улыбнулась Зоя.- Я хочу жениться на тебе! Неужели ты еще не поняла? – Воскликнул Деметрий. – Я люблю тебя еще с тех пор, когда ты была не замужем. Я просил твоей руки у отца, но он сказал, что не отдаст дочь язычнику!…Зое казалось, что

она видит сон. Ей вспомнилась казавшаяся теперь такой далекой юность. Несмелые мечты при виде красивого чужестранца, зачастившего в дом… Тайные слезы после его внезапного исчезновения… С замужеством все забылось – и вот теперь… Значит, вот что было! Отец не благословил. Позволил бы он сейчас?..- Я и теперь остаюсь христианкой. – Тихо, но твердо произнесла Зоя.- Не сомневаюсь. – Улыбнулся Деметрий. – Не такие вы люди, христиане, чтобы менять убеждения, всего-навсего оказавшись в аиде!.. – Зоя не поняла, что стояло за словами ее собеседника: тайное восхищение или насмешка.- И я останусь христианкой!- Не сомневаюсь! – Повторил Деметрий. – Но неужели это может стать препятствием для нашего счастья? – Он с испугом посмотрел на Зою.- Ты же сам сказал, что мы не меняем убеждений…- Ну, так и я стану христианином! Знаешь… я ведь за эти годы много узнал о вашей вере… Только все не решался.- Креститься надо ради Господа, а не ради женитьбы. – Едва слышно произнесла Зоя. – А выходить замуж по любви, а не для освобождения из плена.Над маленькой поляной в саду повисло молчание. Наконец Деметрий прервал его:- Прости. Было глупо ждать, что ты бросишься мне на шею… Вот так сразу. Но, может быть, потом?..- Я сама не знаю… – Зоя опустила голову. – Трудно услышать свое сердце, когда жизнь внезапно переворачивается и душа вместе с ней… Это так неожиданно…- Хорошо! – Вдруг твердо проговорил Деметрий. – Я поступлю вполне в духе вашей веры! Выкуплю тебя и отвезу к твоему отцу. А дальше решай сама! – Он резко встал и, не оборачиваясь, пошел к дому. Смятенная Зоя осталась сидеть, глядя на задернувшуюся, как занавес, стену цветущих олеандровых ветвей.**********«Все же Зоя удивительная… – Думал Деметрий, третий час кряду ворочаясь без сна в любезно предоставленных ему Евсевием покоях. – Пленница, рабыня… Я предлагаю ей свободу, законный брак, богатство и любовь, – а она отказывается! Воистину, эти христиане и в рабстве свободнее многих из нас!..Деметрий сам не понимал, что с ним происходит. Он то ли сердился на Зою, то ли восхищался ею… Терзался, любит ли она его – и радовался тому, что Зоя нашлась, был счастлив от самой возможности освободить ее, даже если она не захочет быть с ним. Наконец, дрема начала сковывать его мысли… И вдруг отлетела, словно ее кто-то смахнул, как легкое покрывало. „Пора креститься – с необычайной четкостью подумалось Деметрию. – И даже не ради Зои, а ради Истины. Христиане уже здесь ходят не столько по земле, сколько по небу. Потому что жить, мыслить, чувствовать, как они, находясь только на земле, невозможно. А значит, с ними Бог. Да… Пора и мне. Но не придется ли заплатить за это слишком жестокую цену?“ Он вспомнил картины, не раз виденные им в римском Колизее. Смог бы он вот так, бестрепетно?.. А если нет? Кажется, и Христос говорил, что нет смысла вступать в бой, если не имеешь уверенности в победе… … Однако как же уговорить Евсевия, чтобы он продал Зою? Ведь мастерицы, равной ей, кажется, на всем свете нет…**********- Почтенный Евсевий, сколь совершенен этот ковер! Какой ворс, какой орнамент! – Деметрий битый час рассматривал новую работу Марьям. – Я закажу у тебя двадцать таких ковров!- Но такое количество будет готово не скоро… Обрати внимание на шпалеры!- Шпалеры хороши. – Согласился Деметрий. – Но их продают во многих местах. А эти ковры… Я действительно не видел ничего подобного – ни в Риме, ни в Афинах, ни даже в Египте!- Но, кажется, ты хотел заказать шпалеры?- Да-да, их я тоже закажу. Вот этих, попроще, с орнаментами. Если сделаешь хорошую скидку.- Я прекрасно продам шпалеры безо всяких скидок! – Вскипел Евсевий.Деметрий буквально изматывал собеседника, так что тот сам не замечал, как в нем рождается уверенность, что он зря сделал ставку на шпалеры, спрос на которые, оказывается, давно падает, и единственное, что спасет его, – это ворсистые ковры Марьям. „Ладно! – Думал Евсевий, все более мрачнея, – придется начать все сначала и отдать большинство рукодельниц в ученицы египтянке“. Однако продолжал яростно торговаться, набивая цену шпалерам. Хитрый Деметрий сначала упрямо стоял на своем, а потом вдруг резко сдался, согласившись купить все имевшиеся в наличии ковры почти по цене хозяина. Согласился он и на то, что его заказ на ворсистые ковры будет исполнен

лишь два года спустя, и даже подписал договор, внеся в качестве задатка солидную сумму. В честь выгодной сделки Евсевий решил устроить отменный пир…**********В эту ночь Зоя и Иулия не спали. Скрывшись в своем заветном месте под старым грецким орехом, они горячо молились, да свершится благая воля Божия.- Ты уверена в порядочности Деметрия? – Спросила Иулия Зою, присев на лежащий на земле старый ствол, когда небо уже начало сереть.- Уверена. – Ответила та. – Деметрий по-настоящему благородный человек. И знаешь, моя душа сейчас удивительно спокойна. Сначала, когда я увидела Деметрия, у меня почва ушла из под ног. А после нашего с ним разговора сердце умирилось. Мне только жаль, что я огорчила его. Но иначе я не могла. Думаю, Деметрий поймет. Я чувствую, что наши судьбы – и его, и моя – в руках Божиих. Как думаешь, это от Господа?- Думаю, да. – Иулия внимательно посмотрела на подругу. – Мне почему-то верится, что приезд Деметрия это чудо Божие. Иначе он бы не отыскал тебя. Хотя… Все может быть. Мой отец говорил, что ложная надежда – это самая большая печаль и самый страшный соблазн. Но мы столько молились…- Ты молилась? О чем?! – Зоя воззрилась на Иулию.- О твоей свободе. Я же обещала – когда мы только познакомились.- Боже мой! – Зоя сжала виски пальцами, – Иулия, так это ты вымолила! Как мне тебя благодарить?!- Думаю, ты молилась об этом куда больше меня. – Слегка улыбнулась Иулия. – А что такого? Если мы просим о чем-то Бога – зачем удивляться, когда молитва сбывается? Ведь Господь так милостив!„Все-таки Иулия какая-то необыкновенная… – В сотый раз подумала Зоя. – Многие вещи, которые она говорит, в устах другого прозвучали бы напыщенно или странно. А когда говорит она, – это живая жизнь, и все так просто…“- Ладно, что мы все обо мне. – Зоя наконец решилась завести разговор, о котором думала уже давно. – Расскажи мне о твоей семье. Если у меня все будет хорошо, может быть, мы смогли бы разыскать кого-то из твоих родных и добиться твоего выкупа.- Едва ли… – Иулия немного помолчала. – Отца убили, когда мне было 10 лет. Братья, кажется, пали в бою. Разгромили не только наш дом – весь город, все вокруг… Меня приняли за дочь служанки, иначе убили бы и меня, на всякий случай. Простолюдинов, и то повезли продавать в рабство на другой конец Средиземноморья. Карфаген уничтожали жители соседней провинции, в их интересах было не оставить никого, чтобы захватить наши дома и земли…- Как это страшно… Но ты говорила, что у тебя была еще сестра.- Да… За год до всего этого она вышла замуж и уехала на Сицилию, в Сиракузы. Больше я ее не видела.- Деметрий живет в Риме! Это совсем недалеко от Сицилии. Я попрошу его найти ее и рассказать о тебе.- Что ж, попробуй… Ее зовут Анна. Анна Юлия Луция. Луция – это имя по мужу, Луцию Гаю Целсусу. — А Юлия – ваше родовое имя?! Вы что, от Цезаря происходите?!- Какое-то родство… — А почему ты молчала о своем происхождении все эти годы?- А кому говорить? И когда? Думаешь, это могло бы что-то изменить?..- Но почему отец заранее не отправил тебя в безопасное место?- Я много думала об этом… Полагаю, отец опасался, что меня похитят. Он имел большое влияние на проконсула Гордиана, и те, кто хотел уничтожить Карфаген, всеми силами пытались переманить отца на свою сторону. Убеждали, пытались действовать посулами и угрозами. Когда это не помогло, в ход пошла клевета – точнее, они говорили правду, но опасную. Дошло до того, что уже последний нищий знал, что Аналсон христианин. В правление Максимина это грозило смертью. Конечно, Гордиан не собирался преследовать своего друга – но если бы император приказал прислать отца на расправу, едва ли он смог бы спасти его. А если бы врагам удалось выкрасть меня, это дало бы им преимущество. Поэтому отец в последний год вообще никуда не отпускал меня без себя – благо, у нас был большой, хорошо охраняемый, сад. Он не сообщал мне о своих действиях, но мне кажется, пару раз он делал попытки куда-то меня отправить, точнее, прощупывал почву… Но все срывалось, и отцу осталось лишь положиться на волю Божию.**********- Чего ты хочешь? – Пьяно хохотал Евсевий. – Купить Зо-о-ою?! А может быть, и все мои мастерские в придачу? И Марьям, и Иулию?..- Я говорю только о Зое. – Уклончиво ответил Деметрий. Ему вспомнилось, как девушка с

робкой мольбой заводила речь о выкупе Иулии.- Ты хочешь… создать мне конкур-р-ренцию?! – Язык Евсевия уже начал заплетаться. — Если бы я хотел этого, я бы просил египтянку. – Подмигнул Деметрий. – Хорошо, я скажу тебе… Я был дружен с отцом Зои, он помог мне, когда в молодости я по неопытности оказался на грани разорения. В благодарность за это я и хочу возвратить свободу его дочери!- Как благородно! – Евсевий едва не прослезился. – И сколько ты дашь мне за нее?.. Впрочем, я не соглашаюсь – просто интересно…К утру, вконец измотанный и замороченный Деметрием, Евсевий согласился-таки продать Зою, взял за нее деньги и выдал расписку об этом. Он явно не остался в убытке: Деметрий заплатил за девушку в 5 раз больше той суммы, за которую она была куплена три года назад. Он пытался заговаривать и о Иулии, но тут Евсевий, как ни разморило его от вина, был непреклонен:- Даже не проси! – Сердился он. – Она прекрасно руководит мастерскими, она умножает мое достояние, и я не отдам ее, даже если упадет спрос не только на шпалеры, но и на персидские ковры, и на вышивку впридачу!**********- Иулия, дорогая, прости и прощай! – Зоя рыдала, обнимая подругу. – Я сделаю все… все… И вы прощайте – она по очереди обняла Марьям, Нику, Лию, Дионисию…- Скорее, нам надо ехать, пока не проснулся Евсевий. – Поторапливал спутницу Деметрий. – А то вдруг передумает, и воюй тут с ним! В порту нас уже ждет корабль. Зоя еще раз прижала к себе Иулию.- Молись обо мне!- Обязательно. А ты – обо мне.- Я никогда не забуду тебя… Всех вас… И может быть…- Все может быть! – Многозначительно улыбнулся Деметрий и распахнул перед Зоей дверцу возка. **********- Молитесь обо мне, сестры! – Прощаясь, говорила Иулия.Прошло всего десять дней с отъезда Зои, и вот – новые проводы…Пробудившись далеко за полдень после возлияний с Деметрием, Евсевий с трудом вспомнил события минувшей ночи. Реальность путалась в похмельной голове с тем, что казалось причудливым бредом. Кликнул Прота. Спросил будничным деловым голосом, словно и не болит голова, и не мутит в желудке:- Сколько мы выручили вчера?- За продажу шпалер, задаток за ковры или за Зою? – Уточнил управляющий.- Значит, это не сон… – Простонал владелец имения.Весь день он ходил мрачнее тучи. Радость от вырученных баснословных денег и полученного крупного заказа на ковры омрачалась тревогой от вести о падении спроса на шпалеры. Мысль же о потере лучшей мастерицы и вовсе добивала. „Как я мог? Как мог?! Да вторую такую Зою ни за какие деньги не купишь!“ – терзался он. Наконец Евсевий взял себя в руки: „Следует разобраться во всем самому. И, в крайнем случае, мастерская – не главная статья моего дохода“… Еще раз подсчитав полученные от Деметрия деньги, купец ободрился и даже повеселел. Благодаря им он мог осуществить свою давнюю задумку: нанять большой корабль, пересечь вдоль Средиземное море и побывать в Галлии, где, по слухам, можно было выгодно продать товары, привезенные ему из Мессопотамии, Персии и Аравии, а взамен накупить местных диковин и приобрести новых рабынь для мастерской. Конечно же, он решил взять с собой и Иулию. — Будешь выбирать работниц в мастерскую. – Распорядился он. – Только, вот что, если выйдет, как тогда с Марьям… Если твой Бог велит тебе сделать нечто неожиданное, – ты уж будь добра, предупреди меня заранее!- Простите, господин… – Иулия склонила голову, – но мой Бог не предупреждает меня, что произойдет, когда я сделаю то, что велит мне совесть. Я просто слушаю ее.К удивлению девушек, отец Феофил решил совершить Евхаристию непосредственно в ночь отъезда, чтобы причастить Иулию. Прощаясь, он долго молился, возложив руки на голову девушки, а затем благословил ее, подарив собственной работы кипарисовый крест с вырезанными на нем хризмой и изображением агнца. Иулия внимательно посмотрела на священника, затем осторожно взяла крест в руки и, благоговейно поцеловав, спрятала на груди под платьем.- Молитесь обо мне! – Говорила она, прощаясь. – Мне почему-то кажется, что мне будет очень нужна ваша молитва.Ника плакала.- Да что с вами? – Удивлялась Марьям. – Я бы с такой радостью поплыла в Галлию! Ведь это недалеко от мест, где я жила. А ты – посмотришь мир, привезешь к нам новых работниц. Может быть, еще кого-нибудь избавишь от горькой участи…- Мы будем молиться, чтобы новые девушки

оказались христианками! – Подхватила Лия. Иулия, казалось, не замечала царившего вокруг радостного оживления. Она обняла Нику, перекрестила ее и что-то шепнула девочке на ухо.- Да… Да, конечно… – Прошептала та…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.